Праздник под ключ

Медведь без головы

Юлия Логачева

18+

Юлия Логачева

Медведь без головы

«Автор»
2026

Логачева Ю.

Медведь без головы / Ю. Логачева — «Автор», 2026

Василиса Мирская пятнадцать лет устраивает праздники богатым людям Верхневолжска и знает о них больше, чем им хотелось бы. Кто с кем не разговаривает, кого нельзя сажать рядом, кто выходил покурить посреди тоста. Но на юбилее Алексея Громова, человека, которому в городе не отказывают, в программе появляется медведь, которого никто не заказывал. Через час пропадает шестилетний сын юбиляра.Похитители требуют двенадцать миллионов и молчания. Полиция работает тихо, охрана хозяина еще тише, а ее начальник Матвей Сабуров подозревает всех, Василису в том числе. Ей придется вспомнить каждую минуту праздника, каждого гостя и каждую строчку в своих актах. И понять, почему в доме, где все так хорошо улыбаются в кадр, правду о давней аварии никто не хочет знать.Иронический детектив с романтической линией. Первая книга серии «Праздник под ключ».

© Логачева Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лишний медведь 5
Глава 2. Тот, кто уже хоронил 15
Глава 3. Чья подпись 22
Глава 4. Обещанный обмен 28
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Юлия Логачева
Медведь без головы

Глава 1. Лишний медведь

Медвежья голова лежала в моей тарелке и улыбалась. Под головой был мой бутерброд. Я отложила его в половине шестого, чтобы съесть через минуту, и минута затянулась на полчаса.

Я подняла голову за ухо. К меху прилип сыр.

– Это чье? – спросила я.

– Мне принесли, – отозвалась женщина с коробкой бумажных стаканчиков. – Сейчас остальное занесут. Тут розетка есть? Телефон садится.

– Розетка есть. Медведя нет.

Она посмотрела на голову, потом на меня. Похоже, каждая из нас решила, что другая не в себе.

В наушнике зашипела Рита, моя помощница:

– Вася, у пятого стола два мужа.

– У каждой гостьи по одному?

– У одной оба. Бывший приехал, хотя отказывался. Уже сидит.

– Пересади его к окну. Скажи, юбиляр сам просил: он у нас набережные строит, пусть любуется заливом. Жену с нынешним поверни к сцене. И убери карточки, пока он их не прочитал.

За стеклом лежал залив, по воде тянулась вечерняя полоса света. Загородный клуб «Белый залив» и без нас стоил дорого. Цветы, которые мы привезли с утра, я старалась в рублях не считать.

Пятнадцать лет мое агентство «Праздник под ключ» устраивало торжества богатым людям Верхневолжска. Начинали мы с одного микрофона и моей машины. Теперь у меня были штат, склад и правило, которое я никому не объясняла: все, что я видела на чужом празднике, там и остается. Болтливых организаторов в нашем городе приглашают один раз.

Женщина поставила коробку и выложила на стойку две большие меховые лапы.

Я открыла программу на планшете. Фокусник, мыльные пузыри, игры с ведущей. Медведя не было. Я знала это и так, но привыкла сначала смотреть в свой список, а уже потом в чужие честные глаза.

– Как вас зовут?

– Эля. Я со Светой, помогаю с детьми.

Гладко убранные волосы, светлая блузка, маленькая царапина возле большого пальца. На шее пропуск с зеленой полосой: семейная зона. Света была няней Миши, шестилетнего сына юбиляра, и помощницу на вечер привела свою.

– Эля, кто привез костюм?

– Мужчина. Там еще мешок. Света знает. Я пока приму, а то он весь проход загородил.

В открытой хозяйственной двери стоял высокий серый мешок. За ним мелькнуло мужское плечо. Человек обернулся к кому-то во дворе: худое лицо, впалая щека, короткие темные волосы. Я подняла руку, но между нами протиснулись два официанта с подносами. Когда они прошли, у двери никого не было.

– Подождите здесь, – сказала я Эле. – Костюм пока никому не отдавайте.

– А зарядить можно?

Я показала розетку и пошла искать Свету.

Проще всего было отдать медведя Рите и забыть. Но я знала, чем это кончится. Через полчаса меня все равно найдут и спросят, откуда в программе зверь, которого никто не заказывал.

Света стояла на коленях посреди детской, рядом с Мишей Громовым. Миша собирал игрушечную трассу. Один участок все время выгибался, и мальчик сердито прижимал его ладонью.

– Эта дорога плохая, – сообщил он мне.

– Придется переделать.

– Папа говорит, это долго.

– Папа у тебя сегодня отдыхает. Пользуйся.

– А вы можете подержать? Только вот тут. Не там, там съезд.

Я присела. Миша сунул мне пластиковую опору и сдвинул мою руку на полсантиметра. Ему было шесть лет и четыре месяца, а техническое задание он ставил точнее большинства моих заказчиков.

– Света, ваша помощница принимает медведя?

– Элечка? Это моя знакомая, мы вместе гуляем. Я попросила ее сегодня помочь, детей много. Очень спокойная женщина, вы не волнуйтесь.

– Я пока про медведя.

– Медведь отдельно. Семья захотела. Я думала, вам сказали.

На юбилее Алексея Борисовича Громова слова «семья захотела» открывали любые двери – холодильник, склад, резервный фонд клуба. Я встала и отдала опору Свете.

– Мне нужен тот, кто его заказал.

– Спросите помощников. Элечка ни при чем, она только костюм встретила.

Миша потянул меня за край жакета.

– Вы трассу не убирайте, даже когда мы пойдем ужинать.

– Она останется здесь.

– До конца?

– До конца вечера.

Он отпустил жакет и вернулся к своей дороге.

У входа в западный коридор стоял пост охраны: столик, стул и охранник, который водил пальцем по моему списку подрядчиков.

– Артист от кого? – спросила я.

– От организаторов.

– Организатор перед вами. Артиста у меня нет.

– Семья разрешила.

– Отлично. А фамилия у него тоже семейная?

– Кто потерял медведя? – спросил мужчина за моей спиной.

Я обернулась.

Сабурова мне показывали на общей встрече, с другого конца длинного стола. Тогда я запомнила голос и привычку дослушать человека до конца, а потом отказать ему во всем сразу. Вблизи у него оказались серые глаза, тяжелые плечи и красивые губы, сжатые так, будто улыбаться на работе ему запретили. Злиться на него сразу стало труднее.

– Пока никто, – ответила я. – Я выясняю, кто его нашел.

– Ваши подрядчики приезжают, а вы выясняете на месте?

– Мои приехали днем и по списку. Этого, похоже, привезли по вашему.

Он взял у охранника список. Даже не посмотрел, уступлю ли я место. Я не уступила. Мы стояли почти вплотную.

– Васька, дайте пройти.

– Еще раз назовете меня Васькой, и я вам что-нибудь сломаю.

– Что именно, Василиса?

– Пока выбираю.

Он посмотрел на мою руку. Я все еще держала планшет за угол. Для оружия дороговато, но выглядело убедительно.

– Матвей Сабуров, – сказал он, – начальник личной охраны Алексея Борисовича. И давайте сразу договоримся: приказы здесь отдаю я.

– Василиса Андреевна Мирская. Отчество лучше запомнить сразу. Пригодится.

У него дрогнула щека. На улыбку это пока не тянуло. Хамил он отвратительно, а выглядел при этом так, что было даже обидно.

Мой бывший муж тоже умел очаровательно мешать мне работать. После развода я думала, что у меня иммунитет. Судя по тому, как мне захотелось поправить волосы, иммунитет кончился. Сабурову для этого даже стараться не пришлось.

К посту подбежал молодой помощник Громова с двумя телефонами. В один он говорил, во втором искал сообщение.

– Кленов подтвердил – детский сюрприз, только игры.

– А фамилию артиста подтвердил? – спросила я.

– Уточню. Андрей Викторович сейчас с юбиляром.

Он показал пересланное сообщение: «Семейный сюрприз подтверждаю. А. Кленов». Ни фамилии артиста, ни телефона.

– Матвей, вам его документы показывали? – спросила я.

Сабуров посмотрел на охранника.

– Артист прошел на переодевание, – сказал тот. – Подтверждение семьи пришло через старшего смены. На въезде его пропускал старший смены, я здесь проверил пропуск.

– А документы на въезде смотрели? Фамилию вам назвали?

Охранник промолчал.

– Узнаю, – сказал Сабуров.

За постом начинался западный коридор. Слева – дверь детской. В конце коридора широкий проем вел в семейную гостиную, а из гостиной стеклянная дверь выходила на веранду. Все это стояло на одной линии, и с поста было видно насквозь, до самой веранды. Днем по этой линии грузчики носили ящики во двор, к служебному выезду. Я умоляла их не задевать ковер в гостиной: он стоил дороже моей машины.

Сообщение Кленова я сохранила и переслала Рите: пусть добудет фамилию и телефон. Потом вызвала Филиппа, нашего реквизитора. В служебной нише, за ширмой для переодевания, остались две низкие стойки для детского фона.

– Пройди за ширмой, у хозяйственного выхода, – сказала я. – Через зал с тележкой не надо.

– Там узко. Если они свой мех разложили, я не пролезу.

– Попросишь подвинуть.

Через минуту Филипп показался в конце коридора с тележкой. Я подняла большой палец. Он кивнул и свернул в нишу. За ним колыхнулась серая ткань, которой отгородили место для переодевания.

Сабуров все еще смотрел на меня.

– Что?

– Вам обязательно всех водить за руку?

– Нет. Некоторым достаточно объяснить. Вы, вижу, не из них.

Он отступил ровно на полшага. Проходя мимо, я задела его плечом, хотя места хватало. Мне почти сорок, а некоторые глупости во мне так и не повзрослели.

Я пошла медленнее, чтобы это выглядело уходом занятой женщины, а не бегством. Каблуки все испортили: грохотали на весь коридор.

В зале Лев Аркадьевич, наш ведущий, проверял микрофон. У сцены уже топтался гость с бокалом.

– За вашу неиссякаемую энергию! – начал гость в микрофон.

– Это в семь, – напомнил Лев. – Сейчас мы только проверяем звук.

– Я проверил.

– И заодно половину речи сказали. Поберегите остальное для юбиляра.

За Льва я платила охотно. Он умел забрать у человека микрофон так, что тот еще и благодарил. Я умела только выключить звук.

Я обошла главный стол. Громов слушал человека, наклонившегося к самому его уху. Татьяна, его жена, снимала с мужниного рукава прилипший лепесток. Она была намного моложе мужа и, кажется, единственная за этим столом не боялась его перебить.

– Алексей Борисович, только один снимок, – просил человек. – Мы коллективу обещали.

– Вы обещали, – сказал Громов. – Я не обещал. Дайте людям поесть.

С другой стороны к нему подбежал Миша с отломанным виражом в руках. Громов сразу отодвинул бокал.

– Опять разошлось? Давай сюда.

– Не так. Там защелка снизу.

– Вижу. Смотри, теперь держит.

Он проверил стык пальцем и вернул деталь сыну. Миша не уходил, пока отец не посмотрел на него.

– Ты потом приедешь по трассе?

– Обязательно.

– У тебя машина красная. Другую не бери.

– Свою знаю.

Татьяна засмеялась.

– Хоть где-то нам удалось ограничить твой автопарк.

Громов поцеловал ей руку. Человек со снимком терпеливо стоял рядом. Я отвела человека к фотографу: пусть снимется на фоне цветов и оставит юбиляра в покое.

На экране за сценой Костя, наш оператор, проверял слайды для семейного поздравления. Мелькнул старый снимок: молодой Громов, светловолосая женщина и мальчик лет пяти. Дама возле пустого стула у колонны замерла, не донеся бокал до губ. Будто ее окликнули. Слайд сменился, и она отвернулась к официанту.

– Этот снимок убери совсем, – сказала я Косте. – Семья просила только новые.

– Я просто цвет проверял.

– Проверяй на других.

У входа в детскую меня догнал Кленов, старший помощник юбиляра. Гладкий седой пробор, темный костюм, тонкая папка под мышкой. Папку он прижимал к себе так, будто ее могли отнять.

– Василиса Андреевна, семья просила медведя. Дети ждут.

– Подтверждение я видела. Теперь мне нужны фамилия и телефон артиста.

– Помощник пришлет. Пока этого достаточно. В программу для взрослых его не ставьте, только детская.

– Фамилию пришлите Рите сегодня.

Он кивнул, но уже смотрел мимо меня: в зале кто-то поднялся с бокалом.

Так у меня появился медведь без фамилии, зато с покровителем. Я отправила Рите еще одно напоминание и почти успокоилась. Документы обещал проверить Сабуров, за медведя поручился Кленов. Я решила, что дальше разберутся без меня. Не могут же ошибиться сразу столько взрослых людей.

Я вошла в детскую. Света накрывала маленький стол, Эля раздавала стаканчики. Медведь стоял у стены: огромный, бурый, с круглым животом и съехавшим бантом. Он поднес лапу к уху, будто не расслышал, что кричат дети, и сел мимо стула. Дети захохотали. Миша громче всех.

Я посмотрела на часы. Половина седьмого. Я кивнула Свете: начинайте.

Бутерброд с мехом так и лежал на служебной стойке. Я отнесла тарелку на кухню. Повар предложил сделать новый. Я сказала «потом» уверенно, как человек, который когда-то в жизни обедал. Повар завернул мне два бутерброда в фольгу и убрал в холодильник. Он работал здесь дольше меня и моему «потом» не поверил.

К восьми медведя полюбили все дети. Пока взрослые в зале ели и рассказывали, как много Громов сделал для города, медведь ловил мыльные пузыри, путался в ленте и строил с детьми картонный гараж. Я дважды заглядывала в детскую, видела Свету и возвращалась к сцене.

Перед главным тостом я пошла искать Громова и нашла его в детской, на низком стульчике. Он гонял красную машинку по трассе, а Миша придерживал вираж.

– Алексей Борисович, вас ждут.

– Сейчас, доеду.

– Папа, ты опять срезал, – сказал Миша.

– Там дорога кончилась.

– Значит, надо ее поправить, а не срезать.

Громов отложил машинку и нагнулся к опоре. Миша достал из-под стола бумажную корону, склеенную из желтого картона, и надел отцу на голову.

– Ты сегодня главный. Тебе положено.

Громов не снял корону, пока не защелкнул опору. Кленов заглянул в дверь, увидел юбиляра в картонной короне и поднял брови. Я показала ему один палец: минуту. Он поджал губы и отошел.

Громов встал, снял корону и понес ее в руке, стараясь не помять. Миша проводил его до порога и вернулся к игре.

В восемь двадцать медведь поклонился. Я видела это от двери: он сложил лапы на животе, а Эля объявила детям, что игры закончились. Медведь один ушел к переодеванию.

Мне пора было готовить семейное поздравление. По сценарию Миша выходил на сцену поздравить отца. Лев ждал сигнала, Костя ставил камеру. До номера оставалось пятнадцать минут.

В западном коридоре мне навстречу шли Эля с Мишей. На мальчике были серая рубашка и темные брюки, в руке красная машинка. Синюю кофту, снятую в детской, Эля несла на плече.

– Нас мама позвала, – сказала она. – Света разрешила.

Наверное, мать хочет поправить ему воротник перед сценой. Ничего странного. Я сама просила родителей не держать детей в зале до номера.

– Идите через гостиную, – сказала я. – В зал пока не выходите, там сейчас свет перестраивают.

Миша поднял на меня глаза.

– А трассу не убрали?

– Нет. Как договорились.

Он кивнул и пошел к широкому проему гостиной. Я свернула к сцене. У западного окна горел красный огонек Костиной камеры: он снимал коридор, пока ждал выхода семьи.

В восемь тридцать пять Лев произнес условную фразу. Я встала сбоку от сцены и нажала кнопку гарнитуры.

– Света, ведите Мишу.

Ответа не было. Я позвонила ей на телефон.

– Он у мамы, – сказала Света. – Элечка отвела. Я на кухне, сейчас приду.

Я подняла глаза. Через зал с террасы шла Татьяна. Одна.

– Света, проверьте детскую сейчас же. Не отключайтесь.

В трубке скрипнули стулья, кто-то спросил про сок. Света позвала Мишу. Потом сказала:

– Его здесь нет.

Татьяна остановилась у прохода. Я одними губами спросила: «Миша с вами?» Она покачала головой.

У меня перехватило дыхание. Я еще надеялась, что придется извиняться за суету. Пусть меня подведут к ребенку, который спрятался за шторой, и покажут, какая я дура. Я бы все отдала, чтобы оказаться дурой.

– Лев Аркадьевич, – сказала я в гарнитуру, – семейный номер переносим. Включите музыку, ничего не объявляйте.

– Надолго?

– Я скажу.

Я пошла к Татьяне слишком быстро. Пришлось остановиться у стула и сделать вид, что поправляю чехол.

– Вы Мишу не забирали?

– Нет. Он же со Светой. Что случилось?

– Эля сказала, что ведет его к вам.

– Я его не звала. Какая Эля?

– Помощница Светы.

Татьяна схватила меня за руку. Пальцы были холодные.

– Где он?

– Я видела их в западном коридоре, они шли в гостиную. Пойдемте.

Гости за ближайшими столами смеялись над чьим-то тостом. Кто-то уже поднял телефон, чтобы снимать семейный номер. Я махнула Косте. Он понял и повернул камеру на сцену.

Дверь в гостиную была открыта. На диване лежала мужская куртка, на столике стояли две пустые чашки. Татьяна заглянула за диван, позвала сына. Открыла дверь в уборную.

Я уже звонила Сабурову. Он ответил с первого гудка.

– Мишу не можем найти. Я видела его с Элей, помощницей няни, в западном коридоре. Она сказала, что ведет его к матери. Мать его не звала. Мы в семейной гостиной.

– Сколько прошло?

Я посмотрела на экран. Восемь тридцать восемь.

– Минут пятнадцать.

– Оставайтесь там.

Татьяна толкнула стеклянную дверь на веранду. Я пошла за ней. На веранде пахло нагретым деревом, на столе стояла ваза с фруктами, в углу лежали подушки. Двор за перилами уже темнел. У хозяйственной двери официант складывал пустые ящики.

– Миша! – закричала Татьяна.

Она дернула ручку наружной двери и не справилась. Я открыла и придержала тяжелую створку. Татьяна сбежала по ступенькам и встала посреди двора.

– Миша!

Двор молчал. Официант с ящиками обернулся и уставился на нас.

Сабуров вышел к нам через гостиную. Посмотрел на Татьяну, потом на открытую дверь.

– Все выезды закрыть, – сказал он в микрофон. – Машины не выпускать. Миша, шесть лет, серая рубашка, темные брюки. Ищем женщину, помощницу няни: светлая блузка, пропуск семейной зоны. Старший смены, подтвердить.

Татьяна вцепилась ему в рукав.

– Матвей, я его не звала! Слышишь? Я не звала!

– Я понял. Найдем ее. Василиса, снимите из программы все, где нужен Миша.

По коридору к нам почти бежала Света. Одна.

– Где Миша? Он же с Элей! Она его к вам повела!

– Я его не звала, – сказала Татьяна. – Я никого не звала.

– Она сказала, Миша к маме попросился. – Света смотрела то на Татьяну, то на меня. – Сам попросился. Я и разрешила.

Мне Эля сказала другое. Не «Миша попросился», а «нас мама позвала». Две женщины услышали от нее две разные причины. И каждая решила, что все в порядке.

– Где Эля? – спросил Сабуров.

– Не знаю. Она не возвращалась. Я думала, она с ним, у мамы.

Сабуров еще раз передал в микрофон приметы Эли и добавил:

– Найдете – ко мне. Никуда не отпускать.

Я смотрела на две чашки на столике. Четверть часа назад эта женщина прошла мимо меня с ребенком, и я сама показала ей дорогу. Даже не спросила, почему мать ждет сына в гостиной, а не у сцены.

– Рита, – сказала я в гарнитуру, – подними все, что присылали по медведю, и договор, фамилии всех детских подрядчиков. В общий чат ничего не пиши. Иди к посту.

– Вася, что случилось?

– Мишу не можем найти.

Татьяна пошла в детскую, Света за ней, я тоже. Там дети все еще строили картонный гараж. Я тихо попросила ведущую увести их к столу в дальнем углу и продолжать игру. Она посмотрела мне в лицо и молча кивнула.

На ковре лежала красная опора от трассы – та самая, которую я держала днем. Один конец дороги снова задрался.

Из-за ширмы выглянул мальчик с бумажным цилиндром на голове. Я рванулась к нему и только потом увидела рыжие волосы. Он спросил, где фокусник. Я показала на ведущую и отошла, чтобы не пугать его своим лицом.

На вешалке у раковины висела уличная куртка Миши. Синюю кофту унесла Эля. Куртка осталась. Я заглянула под стол, потом за штору, хотя за ней помещалась только батарея. Наклонилась проверить еще раз и стукнулась затылком о подоконник.

– Василиса Андреевна, мы и в шкафах смотрели, и за пуфами, – шепотом сказала ведущая. – Его уже не было, когда вы позвонили. Я думала, его на сцену забрали.

– Кто-нибудь из детей видел, как он ушел?

– Видели. С помощницей. Спокойно ушел, за руку.

Света стояла у открытого шкафчика и перекладывала две детские шапки. Тонкую она брала в руки уже третий раз. Я закрыла дверцу.

– Идите к Татьяне, пожалуйста.

У поста Сабуров допрашивал охранника.

– Прошли в восемь двадцать четыре, – говорил тот. – Она с семейным пропуском. Мальчик ее знал. Сказала, ведет к матери, в гостиную.

– Вы у матери проверили?

Охранник опустил глаза.

– Так это же внутри зоны. Света все время так ходит.

– Я спросил, проверили ли вы.

– Нет.

Сабуров вызвал еще одного человека и поставил у двери. Потом повернулся ко мне.

– Вы их тоже видели.

– Видела дальше, перед гостиной.

– И не удивились.

– Нет.

– Почему?

– Потому что с ним шел знакомый ему взрослый. Потому что она сказала «к маме». Потому что я готовила поздравление, а не…

Я замолчала. Он ждал.

– А не проверяла, – сказала я.

Он еще секунду смотрел на меня. Потом отвернулся к коридору.

Пришла Рита с планшетом и папкой. На щеке у нее краснела полоса от гарнитуры. Она работала со мной седьмой год, и я впервые видела, как она трижды промахнулась пальцем мимо одной кнопки.

– Медведя подтвердил Кленов. Элю в список внесла я, Света прислала ее за неделю.

– Фамилия? – спросил Сабуров.

Рита покачала головой.

– Света обещала дать на месте. По артисту я тоже писала, два раза. Есть только это сообщение.

На секунду мне захотелось сказать, что фамилию должна была выяснить Рита. Я не сказала.

– Игры начать разрешила я, – сказала я. – Фамилии у меня тоже не было.

– Сколько было артистов в костюме? – спросил Сабуров.

– Я видела одного. Играл с половины седьмого, с перерывами. В восемь двадцать ушел к переодеванию – один.

– Его кто-нибудь узнает без головы?

Я вспомнила мужчину у хозяйственной двери: впалая щека, плечо, серый мешок. Мало. Зато вполне хватало, чтобы ругать себя: почему я тогда не догнала его хотя бы на минуту?

– Я видела его мельком, когда привезли костюм. Короткие темные волосы, худое лицо. Спросите тех, кто работал во дворе. И нашего реквизитора, Филиппа: он возил стойки через переодевание.

Сабуров передал это по связи и придвинул к себе Ритину папку.

– Матвей, – позвали со стороны зала.

У входа в коридор стоял Громов. Рядом с ним Кленов убирал телефон в карман. Из зала доносилась музыка, и гости о нас пока ничего не знали.

– Где сын?

Сабуров подошел к нему.

– Ищем. Последний раз его видели с помощницей няни в западном коридоре. Выезды закрыты, комнаты проверяют, записи поднимаем.

– Татьяна?

– В детской, со Светой.

Громов посмотрел мимо него, на меня.

– Василиса, у вас же дети отдельно. Вы мне что обещали?

– Дети были отдельно. Помощница увела Мишу, сказала – к матери. Я их видела и не остановила.

Он сжал дверной косяк так, что побелели костяшки. В другой руке он все еще держал бумажную корону. За весь вечер так и не нашел, куда ее положить.

– Матвей, найди его.

– Делаю.

– Не надо мне «делаю». Покажи, где он.

Сабуров не ответил. Громов пошел в детскую, к жене. Корону он так и нес в руке.

Кленов задержался у поста.

– Все сведения сначала Матвею, – сказал он. – Гостей не тревожить. Василиса Андреевна, продолжайте программу.

– Семейный номер снят. Лев знает, что делать с залом.

– Вот и работайте.

По мнению Кленова, моя работа сейчас была включать музыку, а не искать шестилетнего мальчика. Я открыла рот, но он уже ушел за хозяином.

Рита потянулась к планшету. Я остановила ее руку.

– Ничего не исправляй. Даже если сейчас пришлют фамилию. Сохрани отдельно.

Она кивнула. В глазах у нее стояли слезы. Утешить ее мне было нечем.

Прибежал Костя с камерой, держа ее обеими руками.

– Я снимал коридор, пока ждал выхода семьи. Там Миша есть.

Сабуров сразу вернулся к нам.

Костя развернул экранчик. На записи я стояла спиной к камере. Передо мной Эля, рядом Миша. Он поднял голову и что-то спросил – про трассу. Я ответила и вышла из кадра.

Камера смотрела вдоль коридора, через проем гостиной, до стеклянной двери на веранду. Миша с Элей прошли гостиную насквозь. У двери Миша остановился поправить машинку в руке, Эля подождала. Потом они вышли на веранду и пропали.

– Время? – спросил Сабуров.

– Восемь двадцать семь и двенадцать секунд. Часы на камере я утром сверял с клубными.

– Сохрани всю запись, – сказала я, – с самого начала. Ничего не режь.

– Я и не собирался.

Мы посмотрели еще раз. После них гостиная оставалась пустой. Татьяна туда не входила. Никто не входил.

– Она вывела его на веранду, – сказала я. – А с веранды – во двор.

– На веранду – видим, – сказал Сабуров. – Двора на записи нет. Покажите мне, как с веранды выйти к служебному выезду.

Я взяла у Риты план клуба и показала: веранда, ступеньки, короткий проход между кухонной стеной и кладовой, дальше служебный выезд. Днем там стояли наши тележки. Сабуров уточнил ширину прохода и связался с постом на въезде.

С ответом там не спешили.

– Уточняют, – сказал Сабуров.

Это слово я слышала весь день. Раньше оно стоило мне двадцати минут и лишней доставки. Теперь я смотрела на время под остановленным кадром и не могла понять, куда делись десять минут после него. Я помнила из них только, как ловила свет для семейного номера.

Сабуров выслушал ответ в наушнике. Потом еще один. Я видела, как у него напряглась челюсть.

– Служебная машина выехала до того, как закрыли ворота. Выясняю, кто был внутри.

– Во сколько?

– В восемь тридцать одну.

Через четыре минуты после того, как они вышли на веранду. Я в это время стояла у сцены рядом со Львом и следила, чтобы Костя поймал хороший свет.

– Чья машина? – Сабуров повернулся ко мне.

– Проверю наши доставки, – сказала я. – Но разрешения на въезд выдают еще клуб и семья.

– Этот человек два часа играл на вашем празднике. Вы его пустили. Кто-то из ваших его оформил, вывел или помог спрятать между чужими списками. Я проверю каждого.

– Проверяйте. Но он прошел через вашу охрану. И машина прошла через вашу. Только не останавливайтесь на моих сотрудниках, потому что их проще собрать в одной комнате.

– Я остановлюсь, когда найду ребенка.

Он сказал это тихо. И мне впервые за вечер не захотелось ему отвечать. Он смотрел на дверь во двор. Машина давно уехала, а он смотрел так, будто еще мог ее догнать.

– Где Эля? – спросила я.

– Ее ищут с тех пор, как вы позвонили, – сказал Сабуров. – Кухня, двор, парковка, подсобки – нигде.

Я посмотрела на свой телефон. Без десяти девять.

– У кого есть ее номер? – спросила я.

Рита уже набирала Свету.

Из зала доносился голос Льва: он просил гостей не толпиться в проходе. Кто-то за моей спиной спросил официанта, когда будет торт.

Костя отмотал запись к началу и все еще держал камеру экраном ко мне. На экране я стояла рядом с Элей и Мишей. Деловая, спокойная, рука на гарнитуре.

Мне хотелось, чтобы Элю нашли на кухне у раковины, с телефоном и глупым объяснением. Но Эли не было. И Миши не было. А на маленьком экране я снова уступала им дорогу.

Я даже подсказала, куда повернуть. Пятнадцать лет училась помогать людям.

Глава 2. Тот, кто уже хоронил

Я набрала номер Эли, который Рита нашла в телефоне Светы. Гудки шли долго. Я стояла у окна в коридоре и смотрела на темный двор, через который двадцать минут назад вывели Мишу.

Гудки оборвались. Я набрала снова. Механический голос сообщил, что телефон абонента выключен. Еще минуту назад я надеялась, что Эля сидит где-нибудь в подсобке и плачет от страха. Теперь надеяться было не на что.

Я позвонила Сабурову и сказала про телефон. Он выслушал и велел прислать номер ему.

Света сидела на банкетке у внутреннего поста и держала телефон обеими руками, как будто его тоже могли увести. Рита стояла рядом и читала переписку через ее плечо.

– Вот, – сказала Света. – Это сегодня: она спрашивала, во сколько поздравление. А это вчера, про сменную обувь.

– Фамилия у нее есть?

– Я записала «Эля». Зачем мне фамилия? Мы на площадке познакомились.

– Давно?

– Месяц назад, может, чуть больше. Она гуляла с девочкой, маленькой, года три. Работает няней в какой-то семье. Говорила, хорошие люди.

– Что за семья? Где живут?

Света открыла рот и закрыла.

– Не знаю. Я не спрашивала. Она с Мишей так ладила… Он к ней сам бежал. Василиса Андреевна, он же к ней сам бежал!

Она повторяла это уже третий раз. Как будто человек, к которому ребенок бежит сам, не может его увести. Я не стала спорить. На аватарке у Эли были цветы в вазе. Ни лица, ни квартиры, ни девочки.

– Перешли Рите всю переписку, – сказала я. – С самого начала. И фотографии, если она что-то присылала.

Света отдала Рите телефон, не глядя. На рукаве у нее засохло пятно от детского сока, и она все время терла его пальцем.

Сабуров пришел со старшим смены. Олег Гринев был широким, седоватым и днем заставил моего грузчика трижды переставлять тележку, потому что она стояла «не по схеме». Сейчас он смотрел поверх наших голов.

– Еще раз, – сказал Сабуров. – Только то, что проверили. Не то, что собирались.

– Машина была в списке хозяйственных, – ответил Гринев. – Номер совпал. Водителя дежурный видел.

– Документы у водителя смотрели?

– Нет. Решили, что это тот же, который заезжал днем.

– Кто сидел сзади?

Гринев помолчал.

– Не смотрели.

Света тихо охнула. Сабуров не повысил голоса, но Гринев отступил на полшага.

– Значит, так и записываем: пассажиров не проверяли. Не «машина была пустая». Не «один водитель». Мы не знаем, кто был в салоне.

Мне захотелось узнать фамилию дежурного и хотя бы минуту злиться на него, а не на себя. Не получилось.

Сабуров посмотрел на часы.

– В восемь двадцать семь Эля увела его за дверь веранды. В восемь тридцать одну со двора уехала эта машина. Другой машины там не было. Территорию мои люди прошли целиком. Скорее всего, Миша в ней.

Он сказал это ровно, как сводку. До меня дошло не сразу. Мы заглядывали под столы, в шкафы и за шторы, а мальчика в это время уже везли по дороге.

Сабуров нажал кнопку на гарнитуре.

– Выезды открыть. Гостей не досматривать, машины не задерживать, номера все записывать. Лица попроще.

– Гостей отпускаем? – переспросил Гринев.

– Если он еще здесь, найдем без гостей. Если в машине, гости тут ни при чем. Ищем машину.

Гринев ушел к воротам. Впервые за вечер он шел быстро.

Кленов появился в конце коридора бесшумно, как всегда. Папка под мышкой, пробор ровный. Только галстук был ослаблен на палец.

– Матвей, Алексей Борисович просит: никакой огласки. Гостям ни слова. И никаких звонков в официальные места, пока он сам не решит.

– Номер машины я пробью по своим, – сказал Сабуров.

– По своим – пожалуйста.

Он повернулся, чтобы уйти. Я шагнула ему навстречу.

– Андрей Викторович, минуту. Медведя подтвердили вы. Кто вас попросил?

– Семья.

– Кто именно? Алексей Борисович? Татьяна?

– Василиса Андреевна, просьба пришла обычным порядком. Я ее подтвердил – детский сюрприз, детские игры. С таким вопросом я не стал бы беспокоить хозяина в день его шестидесятилетия.

– Кто вам написал?

– Переписку я передам Матвею.

– Сейчас, Андрей, – сказал Сабуров, – одно сообщение. Хозяин подождет десять секунд.

Кленов посмотрел на него долгим взглядом.

– Мою почту, Матвей, ты будешь читать, когда Алексей Борисович прикажет. Сейчас я нужен ему.

И ушел, не ускоряя шага. Папку он так и держал прижатой к боку.

– Он всегда так отвечает? – спросила я.

– Мне – первый раз, – сказал Сабуров.

Это понравилось мне меньше всего за вечер. Человек, который подтвердил медведя, мог просто ошибиться, как я. Но тот, кто ошибся, обычно сам бежит помогать.

Техник клуба принес к посту небольшой монитор и показал все записи со двора и со стоянки после восьми двадцати семи. Мы смотрели их вчетвером. Эли не было ни на одной. Пешком она из клуба не выходила.

– Значит, уехала в той же машине, – сказал Сабуров, – вместе с ним.

Света закрыла рот ладонью.

– Все записи сохранить, – сказал Сабуров технику, – с самого утра. Ничего поверх не писать.

– Костя свою карту тоже не трогает, – сказала Рита. – Я проверила.

Около девяти я отнесла Татьяне стакан воды. Если честно, я несла его, чтобы было зачем войти.

В девять ноль пять у Громова зазвонил телефон.

Мы были в семейной гостиной: Громов, Татьяна, Сабуров и я. Татьяна сидела на краю дивана с курткой Миши на коленях – уличной, которую сняли с вешалки в детской. Громов

стоял у окна. На подоконнике рядом с его телефоном лежала бумажная корона, которую Миша надел ему в детской.

Номер не определился. Громов посмотрел на экран, потом на Сабурова. Сабуров кивнул. Громов включил громкую связь.

– Слушаю.

– Сын у нас, – сказал мужской голос. Спокойный, почти скучный, будто человек звонил насчет доставки. – Живой и здоровый. Двенадцать миллионов рублей. Наличными. Приготовишь к утру. Куда везти, скажу завтра.

Татьяна вскочила. Куртка упала на пол.

– Миша! Мишенька! Дайте ему трубку! Миша, мама здесь!

Она бросилась к телефону. Громов перехватил ее за запястье, и она ударила его свободной рукой – в грудь, в плечо, куда попала.

– Пусти! Пусть он скажет! Пусть скажет мне хоть слово!

– Полиции не надо, – продолжал голос, словно ее не было. – Никаких твоих знакомых в погонах. Позвонишь им – больше не позвоню я.

– Я заплачу, – сказал Громов. Он держал жену и говорил ровно, только лицо у него стало серым. – Дайте услышать сына.

– Завтра.

– Он поел? – закричала Татьяна. – Ему не холодно? Он без кофты, слышите, он без…

Связь оборвалась.

Несколько секунд никто не двигался. Потом Татьяна вырвала руку и схватила телефон с подоконника. Корона упала на пол. На экране было «Номер скрыт». Татьяна все равно тыкала в него – раз, другой, третий.

– Перезвони ему! Алексей, почему ты молчал? Почему ты его не заставил?!

– Таня…

– Он в одной рубашке! – Она обернулась ко мне, к Сабурову, к кому угодно. – Там, может, холодно. Кофта у этой… у этой…

Имя она выговорить не смогла. Посмотрела на дверь, за которой в коридоре сидела Света, и пошла туда.

– Ты ее привела! Ты! «Хорошая девочка, Миша ее любит»! Ты ее к моему сыну…

Сабуров встал у нее на дороге. Не схватил, просто встал. Татьяна налетела на него, как на стену, и обмякла. Я успела подставить ей стул. Она не села, а сползла на него боком и заплакала – тихо, на одной ноте, зажимая рот ладонью.

Я подняла с пола куртку и корону. Куртку положила Татьяне на колени. Корону отдала Громову. Он взял ее и, не глядя, сунул во внутренний карман пиджака.

Потом набрал номер.

– Андрей, двенадцать миллионов. Наличными, к утру. Нет, не переводом. Я сказал – к утру.

Он закончил разговор. Сабуров подождал, пока он опустит телефон.

– Алексей Борисович, деньги готовить надо. Но отдавать их просто на слово нельзя. Мы даже голоса Миши не слышали.

– Значит, в следующий раз услышим.

– Надо продумать передачу. И как проверить, что ребенок будет там.

– Для этого ты здесь.

Сабуров не отвел глаз.

– Вы должны понимать, что никаких гарантий возвращения ребенка у нас нет.

Громов застегнул пиджак на одну пуговицу, медленно, как перед выходом к гостям.

– Я уже однажды хоронил сына. Второго хоронить не собираюсь.

Татьяна перестала плакать. Стало так тихо, что из зала донесся голос Льва Аркадьевича: он объявлял следующую песню.

В справке для ведущего, которую я сама составляла неделю назад, была одна строка: «Первая жена и сын погибли в автокатастрофе семнадцать лет назад». Я тогда вычеркнула из сценария тост «за самое дорогое, что у вас есть», чтобы никого не ранить. И гордилась своей деликатностью. Строка была короткая. А передо мной стоял человек, который однажды уже разбирал вещи погибшего сына. Теперь на коленях у его жены лежала куртка второго.

– Гостей – домой, – сказал Громов, – сейчас же.

– Нельзя, – сказала я раньше, чем успела подумать.

Он повернулся ко мне. В дверях стоял Кленов: видимо, вошел во время разговора.

– Если оборвать праздник на середине, через час весь город будет знать, что у вас что-то случилось. Через два часа – что именно. Ваши гости не из тех, кто молчит. Похититель запретил полицию. Если слух пойдет по городу, он дойдет и до похитителя. И остановить его будет уже нельзя.

– И что вы предлагаете? Танцевать?

– Закончить, но так, чтобы никто ничего не понял. Дайте мне двадцать минут. Торт выносим сейчас, а не в десять. Лев говорит короткий финальный тост. Вы выходите на две минуты, благодарите гостей и говорите, что Татьяне нездоровится и вы везете ее домой.

– Это даже правда, – сказал Сабуров.

– Поэтому и сработает. Гости поворчат, что юбиляр сбежал с собственного праздника к молодой жене, и разъедутся. Им будет что обсудить. Пусть лучше обсуждают это.

Громов смотрел на меня несколько секунд. Потом коротко кивнул.

– Василиса Андреевна права, – сказал Кленов. – И еще одно – ваши сотрудники, Василиса Андреевна. Если хоть слово уйдет в город, о вашем агентстве здесь забудут. Алексей Борисович об этом позаботится.

Я посмотрела на Громова. Он не возразил. Значит, это говорил не только Кленов. Кленов кивнул хозяину и вышел первым.

Я вышла в коридор и побежала к залу на каблуках, которые выбирала под жакет, а не под бег по плитке.

У аппаратной я увидела нашего реквизитора Филиппа. Он разговаривал с Кленовым. Обычно Филипп стоял чуть откинувшись и отвечал так, будто его уже отругали. Сейчас он подался к Кленову и говорил быстро. Показал ладонью на свою щеку, потом махнул в сторону двора. Кленов достал ручку и что-то записал в папку.

На часах над аппаратной было девять двадцать. Мне нужно было успеть к Льву до того, как Громов выйдет к гостям. Я нажала гарнитуру на бегу: «Рита, Филиппа без меня никуда не отпускай. Даже если разрешит Кленов». Рита ответила: «Поняла». Это было последнее, что в тот вечер получилось у меня с Филиппом.

Лев Аркадьевич выслушал меня за кулисами, не перебивая. Только снял очки и протер их краем платка.

– Двадцать минут, – сказал он. – Торт, тост, Громов. Музыку на выход – что-нибудь теплое, без фанфар.

– Без фанфар, – повторила я.

– Иди. Зал мой.

Торт вынесли в половине десятого, на полчаса раньше срока. Шесть ярусов, сахарные лилии и шестьдесят свечей, которые зажигали два официанта сразу. Я заказывала его за два месяца и трижды спорила с кондитером об оттенке крема. Оттенок получился идеальный. Мне было совершенно все равно.

Громов вышел к микрофону, когда задули свечи. Я видела много юбилейных тостов. Обычно юбиляр говорит долго, путает имена и плачет на слове «друзья». Громов сказал четыре

фразы. Поблагодарил всех, кто пришел. Сказал, что Татьяне нездоровится и он везет ее домой. Пошутил, что в шестьдесят лет уже имеет право сбежать с собственного праздника к жене. Попросил не оставлять торт без внимания. Зал засмеялся и захлопал.

Из внутреннего кармана у него торчал уголок бумажной короны.

Он улыбался, пока не дошел до двери. За дверью перестал.

Лев провел финал так, будто репетировал его неделю. Гости ворчали, что так рано, и просили завернуть торт с собой. Про Мишу никто не спросил. Один заместитель кого-то важного на выходе пожал мне руку и сказал: «Наконец-то без затянутостей». За пятнадцать лет мне редко говорили что-нибудь приятнее. И никогда – так не вовремя.

Машины уходили со стоянки одна за другой. Охрана у ворот желала гостям доброй ночи. Никто никого не досматривал. Охранник у шлагбаума только переписывал номера в блокнот.

Пока гости разъезжались, я собрала своих в служебной комнате – ведущую детской, двух девочек-аниматоров, техников, Костю, официантов, которых мы привозили сами. Рита стояла рядом со списком.

Я сказала коротко: сын Громовых пропал, его ищут. Все, что вы видели, нужно охране. Все, что вы слышали, больше не нужно никому – ни мужьям, ни мамам, ни в общий чат.

Тишина была такая, что я слышала, как в зале официанты собирают бокалы.

– А нам самим ничего не будет? – спросила девушка, которая весь вечер раздавала детям краски.

– Охрана поговорит с каждым. Напишите, где вы были после восьми и что видели. Если не помните время, так и пишите. Не подгоняйте под соседа.

– А если я видела только Элю у детского стола?

– Так и напиши. Это тоже ответ.

Листы раздали. Люди писали, прижимая бумагу к подоконнику и к собственным коленям. Я пересчитала своих. Одного не хватало.

– Где Филипп?

– Уехал, – сказала Рита. – Повез стойки на склад. Я его держала, Вася. Он сказал, Кленов его отпустил: его уже опросили. И что Кленов главнее меня.

– Кленов? Не Матвей?

– Кленов.

Я набрала Филиппа. Длинные гудки. За рулем он трубку не брал: я сама когда-то запретила ему разговаривать за рулем. Я написала Матвею: «Кленов отпустил Филиппа, реквизитора. Он что-то видел. Едет на наш склад». Сообщение прочитали сразу. Ответа не было.

Я посмотрела на дверь, за которой исчез Кленов со своей папкой. Помощник хозяина сам расспросил моего человека и сам же его отпустил. Матвею он не показал ни одного сообщения. А моего свидетеля отпустил сразу.

Рита сняла гарнитуру и положила рядом со списком. На щеке у нее осталась красная полоса от дужки – такая же, как у меня.

– Оба запроса по медведю я сохранила, – сказала она, – со временем отправки.

– Пришли мне. Завтра будем разбираться, где мы перестали спрашивать.

– Не только мы.

– Не только. Поэтому ничего не исправляем и ничего не удаляем.

Рита кивнула и снова взяла телефон.

Лев Аркадьевич ждал у закрытых дверей зала. Без микрофона он казался ниже ростом и старше.

– Я останусь с ребятами, пока не развезут, – сказал он. – Ты иди, делай, что надо.

– Мне надо все сразу.

– Тогда начни с одного.

Он поправил на мне съехавший провод гарнитуры. Привычное движение: перед каждым выходом к заказчику он проверял, не висит ли у меня что-нибудь на спине.

Я вдруг чуть не расплакалась. Отвернулась и сделала вид, что смотрю в телефон.

С главного крыльца был виден пустой въезд и шлагбаум, задранный вверх. Залив за стоянкой стал совсем черным. Я стояла и думала, что где-то в такой же темноте сидит мальчик в серой рубашке и без кофты.

Сабуров вышел минут через пять. В одной руке стакан воды, в другой – сверток в фольге.

– Повар просил передать. Сказал, вы с утра обещаете съесть.

Он поставил стакан на каменный край перил и положил рядом сверток. В руки не дал. Я развернула фольгу. Бутерброд с сыром, порядком помятый. Я откусила. Есть не хотелось совсем, но повар заслужил, чтобы хоть кто-то сегодня выполнил свое обещание.

– Вы скажете Громову, что нужна полиция? – спросила я.

– Уже сказал до звонка.

– И?

– Он слышал, что сказал похититель.

– А вы?

– Я тоже слышал. – Сабуров помолчал. – У меня есть номер машины и шесть человек, которых я могу снять с постов. Остальные охраняют гостей и Громова. У полиции – камеры на всех дорогах области. Это понимаю я, и это понимает Громов. Но решает он.

Он встал рядом со мной у перил, близко, но не касаясь. От пиджака пахло холодным воздухом и совсем немного табаком. Я подумала, что могла бы на минуту прислониться к его плечу. И взяла стакан обеими руками.

– Номер машины мне пришлите, – сказала я.

– Зачем?

– На всякий случай.

Он посмотрел на меня дольше, чем нужно. Но переслал: снимок с камеры у ворот, номер читался четко.

– Я сам смотрел ваши списки, – сказал он. – И тоже не довел проверку до конца. Так что не берите все на себя. Делить будем потом.

Я выпила воду. Руки еще дрожали, но стакан хотя бы не стучал о зубы.

У Сабурова завибрировал телефон. Он ответил, коротко сказал «иду» и ушел в клуб. Дверь за ним закрылась.

Я осталась на крыльце с пустым стаканом и половиной бутерброда.

Номер капитана Дениса Крутова остался у меня с весеннего корпоратива. Там гость уехал в чужом пальто, хозяин пальто вызвал полицию, и Крутов за двадцать минут нашел и пальто, и гостя. Номер я сохранила на всякий случай. Такого случая я себе не представляла.

Я нашла его в телефоне и долго не нажимала вызов.

Похититель сказал: позвонишь в полицию – больше не позвоню. Если с Мишей что-нибудь случится, Татьяна будет знать, кто звонил. И я сама буду это знать до конца жизни.

Но сейчас Мишу искали шесть человек, которых Сабуров смог снять с постов, и у них был один номер машины. Громов ждал утра и готовил деньги. Кленов хотел, чтобы никто ничего не спрашивал. Мальчика увезли больше полутора часов назад. И никто, кроме этих шести человек, его не искал.

Последняя машина гостей уже уехала. Я вернулась в пустую гардеробную. На телефоне было десять минут одиннадцатого. Я нажала вызов.

Крутов ответил после пятого гудка. У него работал телевизор, потом звук пропал.

– Денис, это Василиса Мирская. Весной, корпоратив, перепутанное пальто.

– Помню. Что случилось?

– Мне нужно, чтобы вы меня выслушали. И ничего не делали громко.

– Громко я по ночам вообще ничего не делаю. Рассказывайте.

Я рассказала. Клуб «Белый залив», юбилей Громова. Шестилетний мальчик. Помощница няни вывела его во двор и уехала вместе с ним. Машина выехала в восемь тридцать одну, пассажиров никто не проверял. В девять ноль пять позвонили: двенадцать миллионов, без полиции.

Крутов ни разу не перебил. Потом попросил номер машины. Я продиктовала номер со снимка, который прислал Матвей.

– Номер сейчас уйдет на все посты и камеры области, – сказал он. – Без шума, просто как машина в розыске.

– Семья против полиции, – сказала я. – Похититель пригрозил. Если у клуба появятся люди в форме…

– Не появятся. Все похитители запрещают полицию, Василиса. Это не значит, что их надо слушаться. Это значит, что надо работать тихо. Тихо мы умеем. Записи с камер сохранили?

– Все. С утра.

– Хорошо. Еще вопрос. Кто разрешил этому медведю работать на празднике?

Я посмотрела на стойку, где лежал Ритин список с двумя пустыми строчками.

– Его подтвердил помощник Громова, Кленов. Фамилии не дал. А начинать игры разрешила я.

– Тогда начнем с вас, – сказал Крутов в трубке. – Запись с камеры и номер Эли пришлите мне сейчас. А завтра в восемь сами ко мне в отдел. И, Василиса, никому не говорите, что звонили мне. Особенно охране Громова.

– Хорошо.

Он отключился. Я опустила телефон и обернулась.

В дверях гардеробной стоял Сабуров. Судя по его лицу, стоял он там давно.

– Поздно, – сказал он.

Я ждала крика. Он подошел к стойке, взял мой телефон, посмотрел на последний вызов и положил обратно экраном вниз.

– К восьми я вас отвезу.

Я так и не поняла, что это было: помощь или конвой.

Глава 3. Чья подпись

Легла я в три, а в шесть уже сидела на кухне и смотрела на телефон. Филипп не перезвонил. Матвей не написал. Крутов ответил одним словом: «Получил». Это было про запись с камеры и номер Эли, которые я отправила ему ночью.

В семь позвонила мама.

– Ты живая? – спросила Нина Петровна. Она всегда начинала с главного.

– Живая.

– А почему не позвонила? Ты после каждого большого заказа звонишь. Я до двух не ложилась.

– Поздно закончили.

– Знаю я, как вы поздно закончили. – Мама понизила голос, как будто нас подслушивали соседи. – В городской группе пишут, что жене Громова стало плохо и он увез ее с собственного юбилея. Вася, вы ее чем там кормили?

Ложь, которую я вчера придумала для двухсот гостей, к утру добралась до моей мамы. Значит, сработала.

– Всех кормили одинаково. Мам, мне надо бежать.

– Ты сама-то ела?

– Ела.

– Что?

Я посмотрела на стол. На нем лежала фольга от второго бутерброда. Повар сунул мне его в карман уже у машины.

– Бутерброд с сыром.

– Это не еда, – сказала мама. – Это сигнал о помощи.

И отключилась, чтобы я успела это обдумать.

Без двадцати восемь у подъезда остановилась черная машина. Я целую минуту смотрела на нее из окна. Потом взяла сумку и вышла.

Сабуров был в том же костюме, что вчера, только без галстука. Небритый, глаза красные. Похоже, спали мы этой ночью одинаково.

– Доброе утро, – сказала я.

– Садитесь.

Он тронулся раньше, чем я пристегнулась.

Минуту мы молчали. Я смотрела на его руки на руле и ждала, когда он начнет. Он не начинал.

– Громову вы сказали? – не выдержала я.

– Нет.

– Почему?

– Потому что вы правильно сделали, что позвонили. – Он перестроился в левый ряд. – А Громов вчера был не в том состоянии, чтобы это понять.

– А сегодня?

– Сегодня он ждет звонка и считает деньги. Двенадцать миллионов наличными за ночь не соберешь даже с его связями. Кленов возит их с пяти утра.

Мы встали на светофоре. Сабуров повернулся ко мне.

– Условие одно. Все, что скажет Крутов, я узнаю в тот же час. А вы узнаете все, что смогу сказать я.

– «Что смогу» – это сколько?

– Сколько смогу.

Зажегся зеленый.

Я вдруг поняла, что со вчерашнего вечера он ни разу не назвал меня Васькой – только Василиса. Почему-то от этого было не легче.

– Вы мне вчера не ответили про Филиппа, – сказала я.

– Ответил Кленов ночью. – Сабуров не отрывал глаз от дороги. – Говорит, ваш Филипп видел артиста мельком. Высокий, темные волосы, лет тридцать пять. Больше ничего.

– И ради этого его надо было отпускать раньше всех?

– Кленов сказал, парень был не в себе и толку от него не было.

Филипп за десять лет ни разу не был не в себе. Даже когда на одной нашей свадьбе арка из шаров рухнула прямо на невесту. Он тогда молча поднял арку, извинился перед невестой и пошел закреплять ее заново.

– Что еще есть за ночь? – спросила я.

– Машина. Олег Гринев, старший смены на въезде, ночью наконец вспомнил подробности. Машина въехала в шесть вечера по хозяйственному пропуску. В журнале записано: «Артист, семейный сюрприз, согласовано Кленовым». Ниже подпись Олега. Дежурный запомнил водителя: мужчина с большим серым мешком. Документов у него не спросили.

– Тот мужчина, которого я видела у хозяйственной двери.

– Похоже. В восемь тридцать одну он выезжал. Дежурный узнал того же мужчину, сверил машину с журналом и поднял шлагбаум. Кто сидит сзади, не смотрел. Стекла темные. А Олег стоял тут же, у будки, и ничего не сказал. Вчера он про это промолчал.

– А раньше он этого сказать не мог?

– Раньше он боялся увольнения. – Сабуров чуть помолчал. – Теперь меня боится больше.

Отдел полиции стоял на набережной, в старом желтом доме с облупленными колоннами. Сабуров припарковался напротив и заглушил мотор.

– Я с вами, – сказал он.

– Крутов просил никому не говорить, особенно охране Громова.

– Вы и не говорили. Я сам услышал.

Спорить у меня не было сил. И входить туда одной мне не хотелось. Хотя в этом я бы ему ни за что не призналась.

Крутов ждал нас у окошка дежурного. Невысокий, худой, свитер под пиджаком, в руке пластиковый стаканчик с чаем. Весной на корпоративе он показался мне веселым человеком. Сейчас он увидел Сабурова, и вся веселость у него кончилась.

– Я просил не говорить охране, Василиса.

– Он слышал наш разговор. Я его не звала.

– Матвей Сабуров, – сказал Сабуров, – начальник охраны Громова.

– Знаю, кто вы. – Крутов отпил чай. – Громов знает, что вы здесь?

– Нет.

– И не узнает?

– От меня – нет.

Крутов посмотрел на него, потом на меня.

– Посидите в коридоре, – сказал он Сабурову. – Сначала я поговорю со свидетелем, потом с вами, если захотите.

К моему удивлению, Сабуров спорить не стал. Сел на жесткую скамейку у стены и вытянул ноги. Мимо шел дежурный с папками и перешагнул через них, не глядя. Видимо, здесь так сидели все.

Кабинет у Крутова оказался крошечный: стол, два стула, сейф и фикус, который явно поливали чаем. На ноутбуке стоял стоп-кадр Костиной записи. Эля и Миша у двери на веранду. Миша поправляет машинку.

Я отвела глаза.

– Рассказывайте еще раз, – сказал Крутов, – с самого начала, с медведя.

Я рассказала. Голова в тарелке, Эля с коробкой стаканчиков, мужчина у хозяйственной двери. Кленов и его сообщение без фамилии. Как в половине седьмого я кивнула Свете: начинайте.

Крутов слушал и записывал от руки, в клетчатую тетрадь. Ноутбуку он, похоже, не доверял.

– Лицо артиста кто-нибудь видел близко?

– Я – только мельком. Наш реквизитор, Филипп, возил тележку мимо места, где тот переодевался. Мог видеть.

– Где сейчас Филипп?

– Вчера его отпустил Кленов. Я звонила – не берет.

– Позвоните сейчас, при мне.

Я набрала и включила громкую связь. После третьего гудка Филипп ответил. Где-то рядом гудела трасса.

– Филипп, ты где?

– К бабушке еду, в деревню.

– Сейчас? Филипп, ты свидетель.

– Андрей Викторович отпустил. Сказал, даже лучше, если меня пару дней в городе не будет. Там связи нет, только на горке у церкви. Я вернусь, Василиса Андреевна.

– Филипп, ты вчера видел артиста без головы?

Он помолчал. Трасса гудела.

– Я все рассказал Андрею Викторовичу еще вчера. Он сказал, что передаст охране и что дальше это не мое дело.

– Расскажи мне.

– Василиса Андреевна, он сказал: никому – ни вам, ни своим. Если пойдут разговоры, у агентства в этом городе больше не будет ни одного заказа. И еще сказал, что вы своим тоже велели молчать. Я так понял, вы с ним договорились.

– Я ни с кем не…

– Я за рулем, – сказал Филипп. – Вы сами запретили разговаривать за рулем.

И отключился.

Я положила телефон на стол. Крутов смотрел на меня с интересом, без всякого сочувствия.

– Ваш человек вас не слушается.

– Мой человек боится Кленова больше, чем меня. И, похоже, правильно делает.

– Повестку я ему посылать не буду. – Крутов постучал ручкой по тетради. – Дела для всех нет, есть тихая проверка. Пошлю повестку – завтра об этом узнает весь город. И Громов. Позвоню ему сам. Но как только он вернется, привозите его ко мне, в тот же день.

– Привезу.

Он перевернул страницу.

– Теперь то, что есть у меня. Номера на машине настоящие, только не от нее. Их сняли с машины, которую два года назад сдали на утилизацию. Последняя камера видела ее в восемь сорок три на северном выезде из города. Это в сторону промзоны. Дальше камер нет, там склады и гаражи. Ищем, но там фонарей больше, чем камер.

– А телефон Эли?

– Сим-карта оформлена на пенсионерку из Заречного района. Пенсионерка два года назад потеряла паспорт и с тех пор ничего не оформляла. Телефон выключили около девяти вечера, рядом с клубом. Больше не включали.

Паспорт чужой, номера чужие. За один вечер такое не достанешь. Значит, готовились заранее. Насколько заранее, пока никто не знал.

– Теперь вы, – сказал Крутов. – Кто дал этой женщине пропуск в семейную зону?

– Пропуска выдавала охрана клуба по спискам.

– По чьим спискам?

– Гостей – по списку семьи. Подрядчиков – по нашему. Семейных помощников…

Я остановилась.

– Тоже по вашему? – спросил Крутов.

– По нашему. Детская зона была на агентстве, поэтому всех, кто работал с детьми, оформляли мы. Даже если людей присылала семья.

– Кто подписал?

– Рита, моя помощница. А Элю предложила Света, няня Миши.

– Покажете?

– Все в офисе.

– Тогда так. – Он закрыл тетрадь. – Все три списка ко мне. Мне копии, себе оригиналы. И, Василиса… Вы составляли списки и решали, кого пустить в детскую. Поэтому вас я тоже проверю. Понимаете?

– Понимаю.

– Хорошо, что понимаете. Идите. И пришлите сюда вашего… – он подумал, – водителя.

Сабуров пробыл у Крутова двадцать минут. Я сидела на его месте на скамейке и смотрела на стенд «Осторожно, мошенники!». На стенде улыбалась женщина с телефоном. Под ней было написано: «Сотрудник банка никогда не попросит назвать код из СМС». Про то, что может попросить человек, у которого твой сын, на стенде ничего не было.

Сабуров вышел, на ходу надевая пиджак.

– Договорились, – сказал он.

– О чем?

– Как только похититель назовет место, я сообщаю Крутову. Его люди будут рядом, без формы и без машин с мигалками. Громов не узнает.

– А если узнает?

– Тогда я перестану у него работать. – Он открыл мне дверцу машины. – Это меньшее, что может случиться.

Наше агентство снимает второй этаж бывшей булочной на Садовой. Внизу теперь цветочный магазин. Весной, когда к нам поднимаются заказчики, лестница пахнет тюльпанами. Сейчас она пахла хризантемами и мокрыми зонтами.

Рита написала мне в шесть утра, что уже в офисе. Это было видно и без сообщения: на столе стояли три пустые чашки, а причесаться она забыла.

Костя спал на двух стульях у окна, обнимая внешний диск. Увидев Сабурова, он сел так резко, что один стул уехал.

– Я все скопировал, – сказал он, еще не проснувшись, – клубные камеры, которые техник вчера отдал, и все свои записи. Три копии. Одна у меня дома.

– Четвертую сделай, – сказала я, – для полиции.

Костя посмотрел на Сабурова, потом на меня. Слово «полиция» в этой комнате прозвучало впервые.

– Это никто не слышал, – сказала я. – Ни здесь, ни дома.

– Понял.

На большом столе мы обычно раскладываем планы рассадки. Сейчас Рита разложила на нем три стопки бумаги: список гостей, наш список подрядчиков и список семейных помощников. Гостей пишет семья. Подрядчиков – мы. Помощников тоже присылает семья, но тех, кто работает в детской, мы переносим в свою заявку для клуба.

Каждый проверяет свой список. Стыки не проверяет никто. За пятнадцать лет это ни разу ничем не кончилось – до вчерашнего дня.

– Эля, – сказал Сабуров.

Рита положила сверху третий список – две страницы. Внизу второй страницы, под номером семь, значилось: «Эля, помощница няни (от семьи)». Графа «фамилия» пустая. Графа «паспорт» пустая. Внизу страницы подпись Риты – крупная, с завитком, как у отличницы.

– Заявка пришла за неделю, – сказала Рита. Голос у нее был ровный: видно, она репетировала этот разговор всю ночь. – Света попросила через Игоря, младшего помощника Андрея Викторовича. Игорь прислал мне с пометкой «согласовано А. В.». Фамилию обещала дать Света на месте. Я внесла. Клуб выдал пропуск по нашему списку.

– Игорь – это который с двумя телефонами? – спросила я.

– Он.

Я вспомнила молодого человека у поста. Один телефон у уха, во втором ищет сообщение. Он тогда тоже обещал уточнить фамилию.

– А медведь? – спросил Сабуров.

– Медведя нет ни в одном, – сказала Рита. – Я проверила три раза.

Сабуров достал из внутреннего кармана сложенный лист. Это была копия страницы из журнала въезда.

– Медведь есть здесь. Въехал в шесть вечера. «Артист, семейный сюрприз, согласовано Кленовым». Подпись Гринева.

Он положил лист рядом с Ритиным списком. Две подписи легли на стол рядом. Рита посмотрела на них и быстро отвернулась.

Я взяла ручку и стала считать вслух, загибая пальцы.

– Рита подписала Элю. Игорь переслал заявку и написал, что Кленов согласовал. Медведя Кленов подтвердил сам. Гринев пропустил машину. А я разрешила начать игры. Пять человек, и пока никто из них не назвал ни фамилии Эли, ни фамилии артиста.

– Шесть, – сказал Сабуров. – Ваши списки перед праздником я смотрел сам. Подписи на них нет, но смотрел я.

Рита подняла на него глаза. Кажется, впервые за утро она посмотрела на него без страха.

– Пусть Рита, Филипп и Костя отдадут мне свои телефоны, – сказал он. – До выяснения.

– Нет.

– Василиса…

– Телефоны останутся у них. Говорить с ними вы будете при мне. Спрашивайте что угодно и сколько угодно. Но отбирать не дам.

– Вчера вы сами сказали: проверяйте.

– Проверяйте. Только не отбирайте.

Мы смотрели друг на друга через стол с тремя списками. Костя на всякий случай перестал дышать.

Рита молча достала телефон, открыла переписку и положила на стол между нами.

– Смотрите. Только не уносите.

Сабуров наклонился над экраном, я тоже. Восемнадцать двенадцать, Рита Игорю: «Пришлите фамилию и телефон артиста». Восемнадцать сорок: «Игорь, фамилия артиста?» Ответ Игоря: «Уточняю у А. В.». И все. Больше Игорь не написал ни слова.

– Игорь мне ночью сказал то же самое, – проговорил Сабуров. – Фамилию у Кленова он так и не получил.

– А Кленов у кого ее получал?

– Кленов говорит, просьба про медведя пришла через няню. Миша хотел медведя на день рождения отца. Света передала, Кленов согласовал – подарок от сына.

– А артиста кто нашел? Миша хотел медведя, это понятно. Кто дал номер и договорился?

– Кленов говорит, номер принесла Света. Свету я сегодня спрошу.

Я посмотрела на третий список. «Эля, помощница няни (от семьи)». Медведь – через няню. Эля – через няню. Света говорила вчера: «Очень спокойная женщина, вы не волнуйтесь». Я вчера и не волновалась.

Рита забрала телефон.

– Мне ее жалко, – сказала она, – Свету. Она вчера плакала в служебной комнате, пока все писали листы. Она правда любит Мишу.

– Я знаю, – сказала я. – И все равно придется спросить, как она доверила Мишу женщине без фамилии.

У Сабурова зазвонил телефон. Он посмотрел на экран и встал.

– Да, Алексей Борисович.

Он слушал, отвернувшись к окну. Я видела только его спину и руку, которой он держался за раму. Рука не двигалась. Костя смотрел на меня. Рита смотрела на свои подписи.

– Понял. Еду.

Он убрал телефон и обернулся.

– Позвонили. Сегодня в семь вечера – двенадцать миллионов в спортивной сумке. Отнести должен один человек, пешком, без машины у ворот. Комплекс «Волжские зори», хозяйственный двор.

– Мишу дали послушать?

– Нет. Сказали: вечером.

Рита тихо охнула. А я вспомнила другое – белый шатер на берегу, сорок метров гирлянд, невеста, которая потеряла туфлю в фонтане.

– «Волжские зори», – повторила я. – Я там делала свадьбы, последнюю – года три назад. Потом банкеты закрыли, а хозяйственный корпус стали сдавать кому попало.

Сабуров посмотрел на меня так же, как вчера в гардеробной: долго и не сразу решив, что сказать.

– Значит, вы знаете, как там все устроено.

– Знала. Как там сейчас, я не знаю.

Он уже набирал Крутова. А я смотрела на три списка на столе – шесть человек, две подписи. А кто сейчас был рядом с Мишей, мы так и не знали. Даже имени.

Глава 4. Обещанный обмен

Из агентства мы выехали в половине двенадцатого. Сабуров вел машину и говорил по телефону. Я сидела рядом и составляла в голове список: что я помню про «Волжские зори».

Помнила я много – белый шатер на лужайке, длинную веранду над рекой, причал, к которому мы подгоняли катер для фотографий, невесту, которая потеряла туфлю в фонтане и сказала, что так даже лучше.

Как там все устроено сейчас, я не знала.

– Куда мы едем? – спросила я, когда Сабуров закончил разговор.

– К Громову. Вы нарисуете, что помните. Кленов достал план от собственника, сверим.

– А если я не поеду?

– Тогда план будет объяснять Кленов. Он там ни разу не был.

Я позвонила Рите. Сказала, чтобы держала офис, никого не пускала и отвечала всем, что я на объекте. Это даже было правдой.

Потом пришло сообщение от Филиппа, видимо, с той самой горки: «Доехал. Связи нет. Вернусь, приеду, куда скажете». Через минуту написал Крутов: «Ваш реквизитор мне не ответил». Я переслала Крутову сообщение Филиппа. Крутов ответил: «Сегодня сначала передача. Им займусь потом».

Дом Громовых стоит за городом, в сосновом поселке, где у каждого забора своя будка с охранником. У Громовых будок было две. Ворота открылись раньше, чем Сабуров успел притормозить.

Во дворе стояли три машины. На крыльце курил охранник в куртке. Увидел Сабурова – потушил сигарету о перила и спрятал окурок в карман.

Внутри было тихо, как в больнице. Наверху кто-то ходил на цыпочках. Женщина в белом халате спускалась по лестнице с пустым стаканом.

– Врач, – сказал Сабуров, – с Татьяной с ночи.

Кабинет Громова был на первом этаже. Темное дерево, книги, которые никто не читал, и огромный стол. На столе стояла синяя спортивная сумка с белой полосой.

Сначала я подумала: чья-то спортивная форма. Потом увидела, как на нее смотрит Кленов, и поняла, что в ней.

Андрей Викторович стоял у окна в том же костюме, что вчера. Похоже, он из него и не выходил. Только галстук был другой.

– Василиса Андреевна, – сказал он, – мне сказали, вы знаете этот комплекс.

– Знала. Три года назад.

– Это лучше, чем ничего.

По голосу было понятно, что ненамного.

Громов сидел за столом. Он побрился и надел свежую рубашку, но лицо у него было как у человека, который не спал двое суток. На столе перед ним лежала бумажная корона, та самая, из детской. Он ее разгладил, и она лежала ровно, только один зубец был надорван.

– Рисуйте, – сказал он.

Я взяла лист и стала рисовать.

Главное здание стоит над рекой. Внизу большой банкетный зал, над ним веранда. Слева хозяйственный корпус: кухня, склад, прачечная, грузовой пандус. Перед корпусом двор, туда заезжают машины с продуктами. От двора к главному зданию ведет служебный коридор, по нему официанты носили еду в банкетный зал.

– А здесь, – я провела линию вдоль реки, – был еще один выход. Из кухни в корпусе была дверь к реке. От нее дорожка шла вдоль воды, под верандой главного здания, прямо к причалу.

Со двора ее не видно. По ней мы носили шампанское к катеру, чтобы гости не видели, как официанты бегают с ящиками.

Сабуров развернул ко мне ноутбук.

– Вот план от собственника.

План был старый. В углу стояла дата: пять лет назад. Главное здание, корпус, двор – все совпадало с моим рисунком. А там, где я провела линию к реке, на плане стоял крестик. И карандашная пометка, которую кто-то потом отсканировал вместе с чертежом: «служ. выход – заложен».

– Заложен, – сказал Кленов.

– Три года назад он был открыт, – сказала я. – Я сама через него ходила. Каблуком в решетку провалилась.

– Плану пять лет, – сказал Сабуров. – А вы там были три года назад. Пометку могли сделать позже, уже после вас.

– Я там ходила своими ногами.

– Верю. Но как там сейчас, мы не знаем. – Он повернулся к Громову. – Алексей Борисович, туда надо отправить человека сейчас, днем – посмотреть своими глазами.

Громов не успел ответить. Ответил Кленов.

– Днем? За семь часов до передачи? – Он даже не повысил голоса. – Матвей, если он назначил место, он за этим местом смотрит. Увидит твоего человека у причала – и все. Мы второй раз этого номера не услышим.

– Мой человек может выглядеть как курьер.

– Твой человек выглядит как твой человек. За километр.

Громов взял со стола корону. Повертел в руках. Положил обратно.

– До семи внутрь никого не посылать, – сказал он. – Матвей, я не спорю про двери. Я хочу вернуть сына.

Сабуров помолчал секунду.

– Понял.

И тут же, при всех, набрал собственника комплекса. Говорил коротко, переспросил два раза и положил трубку.

– Собственник говорит, дверь к реке заложили, когда сдавали корпус прачечной. Сам он там с весны не был. Вечером в корпусе остается один сторож.

Мне хотелось сказать, что он ничего не понял. Что я провалилась каблуком в эту решетку и до сих пор помню, как держалась за перила. Но меня привезли рисовать план, а не спорить с Громовым.

Я обвела выход к причалу ручкой еще раз, жирно, два раза. Пусть хоть на бумаге будет видно.

Света сидела в столовой, через коридор. Перед ней стояла чашка остывшего чая с лимоном, и она не пила.

Сабуров разговаривал с ней почти час, при закрытых дверях. Я в это время сидела в прихожей на банкетке для обуви, потому что в доме не нашлось другого места, где я никому не мешала.

Когда Света вышла, глаза у нее были красные, а руки она держала в карманах кофты, будто прятала.

– Номер артиста ей дала Эля, – сказал мне Сабуров потом, в коридоре. – Сказала: есть знакомый, работает в костюме, недорого, Мише понравится. Света передала Игорю, Игорь – Кленову. Кленов согласовал – подарок от сына.

– Света хоть раз видела этого знакомого?

– Нет. Знала, что у Эли есть мужчина. Эля один раз назвала его Степой. Фамилию Света не знает.

Степа. Наконец-то у артиста появилось хоть какое-то имя. Правда, если Эля была не Эля, то и Степа мог оказаться не Степой. Но другого имени у нас не было.

– Крутову скажете? – спросила я.

– Уже написал.

Игоря я увидела у лестницы. Он стоял с двумя телефонами, как вчера на юбилее. В один что-то быстро печатал, второй держал экраном вниз.

– Василиса Андреевна, – сказал он и покраснел, – я вам должен был фамилию медведя. Я правда спрашивал.

– Я знаю. Рита показала переписку.

Он кивнул, хотел еще что-то сказать, и тут второй телефон у него в руке зажужжал. Игорь перевернул его машинально, посмотреть. Экран загорелся.

Я не собиралась читать. Но буквы были крупные, а стоял он близко.

Уведомление банка: перевод, сто пятьдесят тысяч рублей. И комментарий отправителя: «Спасибо, все прошло отлично!»

Игорь перевернул телефон обратно, быстро, как обжегся.

– Это личное, – сказал он.

Я ничего не спрашивала. Он сам это сказал. И покраснел еще сильнее, до ушей.

– Конечно, – сказала я.

Он ушел наверх. Я стояла у лестницы и думала, что двадцатисемилетний помощник помощника не получает по сто пятьдесят тысяч за «все прошло отлично». А если получает, то не краснеет так, будто его поймали.

Сабурову я рассказала через пять минут.

– Видел, – сказал он. – Утром у него был такой же перевод. Говорит – личное. Отправителя я переписал и отправил Крутову, пусть проверит, кто это. Самого Игоря сегодня трогать не буду. Если он в этом замешан, пусть думает, что мы ничего не заметили.

В три часа в кабинете зазвонил телефон.

В кабинете были Громов, Кленов, Сабуров, Олег Гринев и я. Олег – старший смены у Сабурова, тот самый, что вчера стоял на въезде. За минуту до звонка спустилась Татьяна, как будто почувствовала. Врач шла за ней и держала ее под локоть.

Громов включил громкую связь.

– Деньги собрал? – спросил тот же голос, что вчера. Спокойный, скучный.

– Собрал.

– Значит, так. В семь часов ровно – «Волжские зори», хозяйственный двор. У грузового пандуса под фонарем стоят синие контейнеры. Положишь сумку в крайний левый, если смотреть от ворот. Сам сразу уходишь. Через час я позвоню и скажу, где забрать сына. Это рядом, далеко ехать не придется.

– Кто несет сумку?

– Мне все равно. Один человек, пешком от ворот. Увижу второго – уеду, с деньгами или без.

– Я хочу слышать сына, – сказал Громов, – сейчас. Иначе никаких денег.

Пауза. Где-то далеко в трубке что-то стукнуло, будто закрыли дверь.

Потом детский голос сказал:

– Папа?

Татьяна вырвалась у врача и схватилась за край стола обеими руками.

– Мишенька!

– Мама? – Голос был сонный и недовольный, как у ребенка, которого разбудили посреди мультика. – Папа, а вы торт без меня съели?

Громов закрыл глаза.

– Нет, – сказал он. – Мы тебе оставили самый большой кусок.

– С лилией?

– С лилией.

– Хватит, – сказал мужской голос. – В семь.

Связь оборвалась.

Татьяна не закричала. Она села прямо на пол у стола и сидела так, держа руку у рта. Врач опустилась рядом с ней на колени. Кленов отвернулся к окну. Олег смотрел в пол.

А я думала о торте. Шесть ярусов, сахарные лилии. Вчера гости разобрали его по коробкам с собой, а остатки доели мои девочки-аниматоры. Я сама им разрешила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.